

Ж. Руссо

Исповедь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Ж11

Ж11 **Ж. Руссо**
Исповедь / Ж. Руссо – М.: Книга по Требованию, 2023. – 574 с.

ISBN 978-5-458-16944-8

Иллюстрированное бесплатное приложение к январьской книге "Вестника иностранной литературы" 1901 г. С иллюстрациями Мориса Лелуа, портретом Руссо и критико-биографическим очерком. Перевод с французского под редакцией С.С. Трубачева.

ISBN 978-5-458-16944-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

торый болѣе ста лѣтъ назадъ проповѣдывалъ безпредѣльную любовь къ природѣ и человѣчеству.

Естественно, что, встрѣчая и въ настоящее время, по справедливому замѣчанію французскаго критика Лансона, «у входа въ каждую отрасль современной жизни, на порогѣ политики, нравственной этики, педагогій, поэзій и романа великую фигуру Руссо», мы должны спросить себя, въ чемъ же состояло его ученіе, такъ глубоко запавшее въ душу не только его современниковъ, но и потомковъ въ продолженіе столькихъ поколѣній. Это ученіе можно характеризовать однимъ словомъ «упрощеніе». «Упрощеніе религіи посредствомъ ея очищенія отъ множества западныхъ заблужденій,—вѣрно замѣчаетъ лучший изъ біографовъ Руссо, Морлей,—упрощеніе социальныхъ отношеній посредствомъ равенства, упрощеніе литературы посредствомъ обращенія къ природѣ и упрощеніе нравовъ посредствомъ трудолюбивой домашней жизни и воздержанности,—вотъ что было цѣлью Руссо и чѣмъ объясняется его продолжительное господство». Тотъ же Морлей прибавляетъ: «Если въ настоящее время кто-нибудь считаетъ потеряннымъ день, въ который онъ не подумалъ о жизни на чердакахъ и въ лачугахъ, о заброшенныхъ дѣтяхъ, о женщинахъ, втоптаныхъ въ грязь грубой безсердечностью большихъ городовъ, то этимъ обязанъ онъ Руссо, который подалъ сигналъ къ великой борьбѣ за интересы всего человѣчества и начерталъ огненными буквами надъ роскошными обѣденными столами богачей, что цивилизація до тѣхъ поръ была только обманомъ».

Въ виду подобнаго не только историческаго, но живого, безконечно длящагося значенія Руссо неудивительно, что онъ возбуждаетъ къ себѣ такой же интересъ на порогѣ XX столѣтія, какъ въ продолженіе двухъ предыдущихъ вѣковъ, и что литература о Руссо постоянно увеличивается. Послѣдній фактъ еще объясняется тѣмъ, что многое въ его частной жизни остается темнымъ и неразгаданнымъ, несмотря на его «Исповѣдь», а въ нѣкоторыхъ случаяхъ благодаря этой поэтической, удивительной, не имѣющей себѣ ничего равнаго автобіографіи, которая, однако, мѣстами вводитъ въ заблужденіе, такъ какъ написана подъ старость и въ критическую болѣзненную эпоху жизни Руссо, когда память могла измѣнять ему, а богатая фантазія брать верхъ надъ свѣтлымъ умомъ, временно омраченнымъ патологическими причинами. Дѣйствительно, помимо и даже вопреки «Исповѣди», недавнія архивныя изысканія освѣтили новымъ свѣтомъ нѣкоторые обстоятельства въ жизни Руссо и личности баронессы де-Варенъ и графини д'Удето; труды рьяной англійской поклонницы Руссо мистриссъ Макдональдъ во многомъ обѣлили великаго мыслителя отъ взведенныхъ на него клеветъ, а изслѣдованія нѣкоторыхъ французскихъ докторовъ, въ томъ числѣ извѣстнаго медика-историка Кабанесса, выяснили патологическую сторону его характера и болѣзненную подкладку послѣдней мрачной эпохи его жизни. Къ сожалѣнію, еще не вышло давно обѣщанное Кабанессомъ изслѣдованіе о кончинѣ Руссо, которую многіе приписываютъ самоубійству. Но во всякомъ случаѣ, на основаніи обширныхъ существующихъ матеріаловъ какъ старыхъ, такъ и новыхъ о жизни Руссо и его литературной дѣятельности, можно теперь составить себѣ полное понятіе о немъ, какъ о писателѣ, философѣ и человѣкѣ. *)

*) При составленіи настоящаго очерка главными пособиями служили, кромѣ сочиненій и обширной переписки Руссо:

Histoire de la vie et des œuvres de J.-J. Rousseau, par Mussay-Pathay.

J.-J. Rousseau, sa vie et ses ouvrages, par Saint-Marc-Girardin.

J.-J. Rousseau, by John Morley.

I.

Хотя по рожденію и семейному положенію Жанъ-Жакъ Руссо былъ швейцарцемъ, но въ жилахъ его текла французская кровь. Одинъ изъ его предковъ, Дидье Руссо, книгопродавецъ въ Парижѣ, бѣжалъ въ Женеву, вслѣдствіе своихъ протестантскихъ убѣжденій, въ XVI столѣтіи и съ тѣхъ поръ какъ пра-дѣдъ, такъ дѣдъ и отецъ Жанъ-Жака вели скромную жизнь, занимаясь

преимущественно часовымъ ремесломъ. Самъ Жанъ-Жакъ родился 28 іюня 1712 года очень тѣдешнымъ ребенкомъ и стоилъ жизни своей матери, которая, повидимому, была простая, добрая женщина, дочь пастора Бернара. Что же касается до отца, то при всей буржуазной обстановкѣ его жизни, онъ отличался легкомысленнымъ и даже буйнымъ характеромъ; не довольствуясь часовымъ ремесломъ, онъ былъ еще учителемъ танцевъ и постоянно возбуждалъ ссоры съ гражданами тихаго богобоязненнаго города Женевы. Но въ сущности онъ былъ недурнымъ человекомъ, и Жанъ-Жакъ въ дѣтствѣ обожалъ его, считая воплощенной добродѣтелью и лучшимъ изъ отцовъ. Конечно, это обожаніе было главнымъ образомъ основано на томъ, что отецъ обращался съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и съ шестилѣтняго возраста приучилъ его читать романы, которые они поглощали безъ конца, проводя въ чтеніи цѣлыя ночи напролетъ до разсвѣта. Перечитавъ всѣ бывшіе у нихъ подъ руками романы, отецъ и сынъ перешли въ болѣе серьезнымъ книгамъ историческаго

J.-J. Rousseau, by Grey Greham.

Этюды о Ж.-Ж. Руссо профессора Алексѣева.

Le cabinet secret de l'histoire.—Troisième serie. J.-J. Rousseau, ses infirmités physiques et leur influence sur son caractère et son talent, par Cabanès.

Religions Systems of the World.—The Religion of nature, as taught by J.-J. Rousseau, by mrs. Macdonald.

Vers la rehabilitation de J.-J. Rousseau par Frédéric Macdonald. «Revue des Revues», 1 Octobre 1898.

Nouvelle étude sur la legende de J.-J. Rousseau, par Frédéric Macdonald. «Revue des Revues», 15 Mars 1899.

J.-J. Rousseau, par Arthur Chuguet.

Essai sur la système de politique étrangère de J.-J. Rousseau, par J. Wintemberger.

Madame de-Warens d'après de nouveaux documents, par Henri Bordeaux. «Grande Revue». Septembre 1900.

La comtesse D'Houdetot, par M. Buffenoir. «Revue de la France Moderne». Juillet, Août, Septembre 1900.

Ж.-Ж. Руссо. Опытъ характеристики его общественныхъ идей. Соч. Кореяна.

Ж.-Ж. Руссо. Очеркъ В. Герье въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Ефрона. «Міровая скорбь». Соч. профессора Котляревскаго.

содержанія, изъ которыхъ наиболѣ нравились мальчику жизнеописанія Плутарха. Онъ такъ увлекся героями древности, жертвовавшими своею жизнью за родину и свободу, что однажды, рассказывая въ семейномъ кружкѣ о подвигѣ Муція Сцеволы, для болѣе ясной разсказа положилъ руку на горячіе уголья. Не менѣ отца баловала его и тетка Сюзанна, которая ни въ чемъ ему не перечила и позволяла дѣлать все, что угодно.

Такое первоначальное воспитаніе или, лучше сказать, отсутствіе всякаго воспитанія продолжалось до десятилѣтняго возраста мальчика, когда неожиданно произошла въ его жизни самая непріятная перемена. Отецъ поссорился на улицѣ съ какимъ-то капитаномъ и равиль его шпагой въ лицо, а потомъ изъ боязни суда бѣжалъ въ городъ Нюнъ, гдѣ женился вторично и совершенно бросилъ сына, котораго помѣстили въ школу пастора Ламберсье въ окрестностяхъ Женевы. Тутъ въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ обучался, по его собственнымъ словамъ, «латыни и всякой другой дряни, которую выдавали за ученость», но не выказывалъ особаго прилежанія и находилъ удовольствіе только въ обработкѣ отведеннаго ему маленькаго садика. Обращались съ нимъ строго, подвергали часто наказаніямъ, и совершенно несправедливымъ, а потому, наконецъ, онъ упрямилъ отца и дядю взять его изъ школы. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ то у одного, то у другого, мальчикъ былъ отданъ, тринадцати лѣтъ, въ качествѣ ученика, къ нотаріусу, который, однако, вскорѣ прогналъ его за неспособность къ работѣ. Затѣмъ онъ поступилъ къ граверу, и хотя это ремесло ему понравилось своей художественной стороною, но хозяинъ, очень грубый и злой человѣкъ, доводилъ его до одурѣнія жестокими побоями и вообще тогдашняя его жизнь, печальная, мрачная, среди постоянныхъ преслѣдованій и лишеній, окончательно испортила его нравственную натуру и научила его по необходимости лгать, обманывать и даже воровать съѣстные припасы, если вѣрить его «Исповѣди».

Такое несчастное существованіе неожиданно окончилось 14 марта 1728 года. Въ этотъ день онъ гулялъ вечеромъ со своими товарищами за городомъ, такъ какъ было воскресенье, и опоздалъ вернуться во-время, до закрытія городскихъ воротъ. Его товарищи успѣли кое-какъ пробраться, а Жанъ-Жакъ остался одинъ среди пустынной равнины. Ему было не такъ страшно это одиночество, какъ ожиданіе побоевъ хозяина на другое утро. Подобный случай повторялся уже два раза. Руссо не забылъ тяжелой кары, разразившейся надъ нимъ, и рѣшилъ не подвергаться тому же, а, воспользовавшись случаемъ, бѣжать изъ Женевы. Около двухъ или трехъ дней онъ бродилъ въ окрестностяхъ этого города; наконецъ, онъ перешелъ черезъ швейцарскую границу и очутился въ Савойѣ. Случайно Руссо попалъ къ католическому патеру въ пограничномъ селеніи Конфиньонъ и тотъ любезно его приютилъ, сочувственно отнесся къ его горестному положенію. Но, конечно, какъ истый католикъ, да еще постоянно поддерживавшій борьбу съ сосѣдними протестантскими пасторами, патерь воспользовался случаемъ, чтобы обратить протестанта въ католичество, и сталъ соблазнять несчастнаго бѣглеца всѣми выгодами подобнаго обращенія. Жанъ-Жакъ невольно поддался возможности устроить себѣ спокойную жизнь, и патерь отправилъ его въ городъ Аннеси къ баронессѣ де-Варенъ, которая должна была обратить его окончательно въ католическую вѣру.

Въ жизни Руссо наступилъ крутой переворотъ. Ему было 16 лѣтъ. Хотя онъ отличался небольшимъ ростомъ, близорукостью и скверными зу-

бами, но былъ хорошо сложенъ, имѣлъ живое, умное лицо, блестящіе глаза, черные волосы, густыя брови, тонко очерченный ротъ и очень маленькія ноги, такъ что вообще располагалъ въ свою пользу при первомъ же взглядѣ. Въ нравственномъ отношеніи онъ, по словамъ «Исповѣди», былъ совершенно порочнымъ, испорченнымъ существомъ, но въ сущности представлялся дикимъ, застѣнчивымъ, болѣзненнымъ, слабохарактернымъ юношей, ненавидѣвшимъ всякій гнетъ и стѣсненіе, а если и проявлялъ дурныя склонности, то онѣ вовсе не имѣли того ужаснаго преступнаго характера, который онъ придаетъ имъ въ послѣдствіи, съ точки зрѣнія стараго строгаго моралиста. При этомъ не надо забывать, что онъ выказывалъ и въ первую эпоху своей жизни добрыя качества, напримѣръ, два раза не выдалъ товарищей, которые нанесли ему тяжелыя физическія поврежденія. Наконецъ, всѣми признаваемыя благородство, безкорыстіе и глубокая честность, отдѣлавшія его послѣдующую жизнь, доказываютъ, что его нравственная натура вовсе не была испорчена на зарѣ жизни и что случайныя уклоненія съ истиннаго пути въ дѣтствѣ и юности не оставили въ немъ глубокаго слѣда. Но дѣйствительно пагубное вліяніе на всю его жизнь имѣли дурныя, физическія привычки, которыя онъ приобрѣлъ въ своемъ безпорядочномъ дѣтствѣ и которыя, повидимому, сохранились въ дальнѣйшей жизни, подтачивая его здоровье вмѣстѣ съ дизуріей и грыжей, причинившихъ ему страданія съ очень ранняго возраста. Все это и указываемая имъ самимъ въ «Исповѣди» эротическая манія къ бичеванію, развившаяся въ немъ въ дѣтствѣ послѣ тѣлеснаго наказанія, которому его подвергла красивая сестра пастора, въ пансіонѣ котораго онъ воспитывался, объясняютъ, по мнѣнію доктора Кабанесса, многія непонятныя черты его характера и жизни, именно отчужденіе отъ общества, ношеніе странной одежды, болѣе для него удобной, вродѣ армянскаго халата, предпочтеніе платоническихъ отношеній къ женщинамъ, различныя психопатическія проявленія и, наконецъ, отуманеніе умственныхъ способностей въ послѣдніе годы передъ смертью.

Первая встрѣча Руссо съ баронессой де-Варенъ, которой суждено было играть такую значительную роль въ его жизни, состоялась при романтической обстановкѣ. Онъ явился въ Аннеси съ письмомъ отъ пріютившаго его патера къ неизвѣстной ему благодѣтельницѣ и ожидалъ встрѣтить старую противную ханжу, но, къ его величайшему удивленію, она оказалась молодой, красивой женщиной, встрѣтившей его съ очень любезной, пріятливой улыбкой. Сердце юноши растаяло, и онъ сразу влюбился въ нее, а потому былъ очень опечаленъ, когда спустя нѣсколько дней она отправила его въ Туринъ въ пріютъ для новообращенныхъ католиковъ. Однако, онъ не смѣлъ ослушаться своей обворожительной покровительницы и отправился пѣшкомъ черезъ Альпы къ мѣсту своего назначенія, обѣщая себя вернуться къ ней при первой возможности. Хотя въ послѣдствіи онъ сильно упрекалъ себя за торговлю религіей, но въ то время не былъ искреннимъ вѣрующимъ протестантомъ, а потому перемѣнилъ вѣру, конечно, не по убѣжденію, а по расчету; едва ли Руссо по своей молодости и легкомыслію понималъ тогда низость подобнаго поступка. Онъ просто видѣлъ въ этомъ средство къ устройству своего положенія и возможность не только угодить очаровательной женщинѣ, но и вернуться къ ней. Однако, въ этомъ отношеніи его ждало тяжелое разочарованіе. Патеры туринскаго пріюта Св. Духа продержали его четыре мѣсяца, торжественно приняли его въ лоно католической церкви, а затѣмъ выпустили на улицу съ двадцатью франками, которые были

собраны въ его пользу среди лицъ, присутствовавшихъ при перемоніи его обращенія. Однако, Руссо не пришелъ въ уныніе, а, проживъ данныя ему деньги, поступилъ лакеемъ къ графинѣ Верцелли, но она умерла черезъ три мѣсяца и его уволили. Прежде этого онъ, по его собственному признанію, разыгралъ некрасивую роль въ скандальной исторіи. У него нашли розовую ленту, которую онъ взялъ тайно у графини, и, чтобы спасти себя, заявилъ, что ленту ему дала горничная, которая и пострадала за его клевету. Въ «Исповѣди» онъ горько оплакиваетъ свой неблаговидный поступокъ и увѣряетъ, что, благодаря послѣдующимъ мученіямъ совѣсти, онъ уже болѣе никогда не совершалъ ничего подобнаго. Такъ какъ этотъ фактъ извѣстенъ только изъ признанія Руссо, то, по справедливому замѣчанію Морлея, трудно ему вполне вѣрить, тѣмъ болѣе, что ничѣмъ не объясняется самый фактъ кражи ленты Жанъ-Жакомъ и вообще ко всей этой исторіи нельзя не отнестись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: въ то время, когда онъ писалъ свою «Исповѣдь», Руссо находился подъ вліяніемъ какой-то маніи самообвиненія.

Второе мѣсто, также въ качествѣ лакея у графа Гувона, вскорѣ надѣло неуживчивому юношѣ, хотя графъ обращался съ нимъ даже черезчуръ любезно, а сынъ училъ итальянскому языку. Встрѣтившись съ какимъ-то старымъ товарищемъ изъ Женевы, который возвращался на родину, Руссо бросилъ свою должность и съ наслажденіемъ отправился пѣшкомъ съ веселымъ товарищемъ, но не въ Женеву, а въ Аннеси къ своей благодѣтельницѣ, которая приняла его съ распростертыми объятіями. Здѣсь собственно начинается его дружба съ баронессой де-Варень, которая составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ эпизодовъ его жизни. Съ поэтическимъ восторгомъ отзывается онъ о ней на однѣхъ страницахъ своей «Исповѣди» и цинично забрасываетъ ее грязью на другихъ, но въ сущности она не заслуживала ни того, ни другого. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ многихъ швейцарскихъ и савойскихъ писателей, труды которыхъ искусно резюмируетъ Бурдо въ своей любопытной статьѣ, совершенно выяснена личность этой «мамаши» Руссо, какъ онъ ее всегда называлъ. Луиза де-ла-Туръ-де-Шальи четырнадцати лѣтъ вышла замужъ за барона Варена и, живя съ нимъ въ Веве, на берегу Женевского озера, вела веселую свѣтскую жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ занималась дѣлами, даже завела фабрику шелковыхъ чудокъ, которая ее разорила. Тогда она бросила мужа и протестантскую религію, перешла въ католичество и поселилась въ Аннеси, въ Савойѣ, получая отъ короля сардинскаго Виктора-Амедея пенсію. Но она попрежнему занималась дѣлами, хотя обыкновенно ея спекуляціи не увѣнчивались успѣхомъ. Представляя странную смѣсь свѣтской женщины и дѣлового человека, она постоянно предпринимала какое-нибудь новое промышленное дѣло и гнеудачи нисколько ея не смущали. Хотя она отличалась болѣе чѣмъ лекомысленной жизнью и постоянно имѣла если не двухъ, то, по крайней мѣрѣ, одного любовника, но относилась къ любви очень хладнокровно и прозаично, въ сущности никого не любила и не отличалась страстными порывами. По мѣткому выраженію Бурдо, этотъ первый другъ Жанъ-Жака скорѣе походила на мужчину, чѣмъ на женщину. Она отличалась живымъ, веселымъ характеромъ и никакія тревоженія судьбы, ни даже бѣдность, въ которую она впала въ послѣдніе годы своей жизни, не могли довести ее до унынія.

Вотъ какая женщина на 29 году своей жизни сдѣлалась Эгеріей Жанъ-Жака по его возвращеніи изъ Турина въ 1729 году. Сначала она

стала очень ревностно разыгрывать роль благодѣтельницы семнадцатилѣтняго юноши. Она помѣстила его въ своемъ домѣ и не только сдѣлала своимъ секретаремъ, но, сама отличаясь хорошимъ образованіемъ, научила его писать безъ ошибокъ и, убѣдившись, что не можетъ докончить его образованія, помѣстила его въ мѣстную семинарію. Когда же черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его оттуда уволили, какъ неспособнаго ученика, баронесса отдала его въ ученіе къ органисту; но несмотря на свою любовь къ музыкѣ, онъ не сдѣлалъ въ ней никакихъ успѣховъ и хотя по желанію своей покровительницы послѣдовалъ за своимъ учителемъ въ Ліонъ, но когда тамъ у этого бѣднаго человѣка сдѣлались припадки падучей болѣзни, онъ бросилъ его и поѣхалъ въ Аннеси. Баронессы тамъ не было; она уѣхала въ Парижъ по дѣламъ, и Руссо въ продолженіе двухъ лѣтъ снова странствовалъ пѣшкомъ по Швейцаріи и Франціи. Между прочимъ, онъ посѣтилъ Парижъ, но нашелъ его мрачнымъ, грязнымъ городомъ и предпочиталъ ему сельскіе уголки, гдѣ находилъ полное удовольствіе на лонѣ природы, хотя часто нуждался въ кускѣ хлѣба.

Наконецъ, весною 1732 года онъ снова поселяется у баронессы де-Варенъ, которая тогда жила въ Шамбери. Она добродушно приняла его въ свой домъ и выхлопотала ему мѣсто чиновника по размежеванію земель, но онъ не ужился съ начальствомъ и отправился въ Безансонъ, чтобы докончить свое музыкальное образованіе у аббата Бланшара. Вернувшись обратно, Руссо сталъ давать уроки музыки въ Шамбери и пользовался такимъ успѣхомъ среди дамъ, что «добрая мамаша» рѣшилась предохранить молодого человѣка отъ грозившихъ ему опасныхъ узъ любви и очастливила его своей любовью послѣ столькихъ лѣтъ преданнаго платоническаго поклоненія. Въ сущности это была очень странная любовь, такъ какъ Руссо дѣлилъ милости баронессы съ ея лакеемъ, садовникомъ и управляющимъ, по имени Клодомъ Ане. Для баронессы, повидимому, ничего не стоило имѣть одного лишняго любовника и ее забавляла любовь новичка. Но если вѣрить Руссо, то эта жизнь втроемъ доставляла ему большое удовольствіе и бесѣда съ мамашей и добрымъ другомъ Клодомъ была для него пріятнѣе свиданія съ любимой женщиной. Неожиданная смерть Клода положила конецъ этой жизни втроемъ и нѣсколько времени Руссо жилъ вдвоемъ съ баронессой.

Эта идиллія продолжалась недолго, и когда Руссо, по случаю болѣзни, происшедшей по словамъ нѣкоторыхъ біографовъ отъ отравы мышьякомъ, съ помощью котораго онъ хотѣлъ приготовить магическія чернила, по совѣту какого-то шарлатана уѣхалъ лечиться въ Монпелье, то баронесса завела себѣ новаго пріятеля въ лицѣ нѣмца Винценрида. Хотя Руссо также утѣшился въ Монпелье со знатной дамой, г-жей де-Ларнажъ, но эта новая связь дурно подѣйствовала на его здоровье, и онъ вернулся въ Шамбери еще болѣе больнымъ, чѣмъ уѣхалъ. По его словамъ, онъ теперь отказался отъ жизни втроемъ, но уговорилъ баронессу купить живописное помѣстье «Шарметъ», и тамъ оставался около двухъ лѣтъ, то одинъ, то вмѣстѣ съ баронессой и Винценридомъ. Хотя его жизнь тамъ не могла представлять того райскаго счастья, которое онъ описалъ въ «Исповѣди», такъ какъ о любви уже не могло быть и рѣчи, но всетаки это время онъ провелъ спокойно, наслаждаясь природой и окончательно подготавливая себя къ послѣдующей литературной дѣятельности чтеніемъ Лейбница, Декарта, Локка, Пуффендорфа, Сень-Эвремона, Вольтера и др. Наконецъ, Руссо ясно увидѣлъ, что становится въ тягость баронессѣ, и рѣшился положить конецъ непріятному натянутаго положенію. Въ 1740 году онъ по-

ступилъ учителемъ въ семью Мабли, старшаго брата знаменитаго Кондильяка, и переселился съ нею въ Лионъ, но не долго ужился тамъ и снова вернулся въ Шармезъ. Баронесса приняла его очень холодно, и онъ окончательно понялъ, что все между ними кончено. Тогда онъ не на шутку простился со своимъ любимымъ сельскимъ уголкомъ и на тридцатомъ году жизни отправился искать счастья въ Парижъ.

Этимъ кончается первая, наименѣе привлекательная половина жизни будущаго сѣятеля великихъ идей, но безъ знакомства съ нею нельзя вполнѣ понять Руссо, какъ писателя, мыслителя и человека.

II.

Осенью 1741 года Руссо явился въ Парижъ съ пятнадцатью золотыми, комедіей «Нарцисъ» и новой системой обозначенія музыкальных нотъ цифрами, которая должна была, по его мнѣнію, привести его къ славѣ и богатству. Но академія, въ которую онъ представилъ свой музыкальный проектъ, отвергла его, какъ уже извѣстный и бесполезный. Хотя онъ протестовалъ противъ такого «академическаго невѣжества» въ рѣзкой

«Диссертациі о новой музыкѣ», въ которой доказывалъ, что одна молодая американка, благодаря его системѣ, научилась читать въ три мѣсяца самыя трудныя музыкальныя произведенія, но публика не обратила никакого вниманія на этотъ споръ, и Руссо пришлось искать какихъ-нибудь занятій для существованія. Благодаря патеру Кастелло, съ которымъ онъ познакомился въ свое первое посѣщеніе Парижа, Руссо попалъ въ домъ богатой и знатной г-жи Безонваль, рекомендовавшей его отправлявшемуся посланникомъ въ Венецію графу Монтегю.

По словамъ Сенъ Марка Жирардена, Руссо былъ принятъ графомъ въ качествѣ личнаго секретаря на жалованье въ 1000 франковъ въ годъ «и въ Венеціи ничего не дѣлалъ, такъ какъ самъ посланникъ не умѣлъ ничего дѣлать». Это былъ ни на что неспособный, пустой, необразованный аристократъ, къ тому же еще большой скряга. Хотя дѣйствительно онъ предоставлялъ секретарямъ посольства исполнять всю дипломатическую работу, а самъ только подписывалъ бумаги, но Руссо не могъ играть той важной роли, которую онъ себѣ приписываетъ въ «Исповѣди»; такъ какъ былъ не секретаремъ посольства, а личнымъ секретаремъ посланника.

Впрочемъ, недавно найдена въ архивѣ французскаго консульства въ Константинополь дипломатическая бумага, написанная рукою Руссо, и во всякомъ случаѣ онъ не былъ лакеемъ графа Монтегю, какъ увѣряетъ Вольтеръ. Какъ бы то ни было, послѣ многочисленныхъ пререканій съ графомъ Руссо гнѣвно съ нимъ разошелся, провелъ потомъ около двухъ недѣль въ Венеціи, публично жалуясь на то, что посланникъ не доплатилъ ему жалованья, и, вернувшись въ Парижъ, подалъ на него жалобу. Слѣдующее ему жалованье уплатили, но онъ затаилъ въ своемъ сердцѣ ненависть къ обществу, въ которомъ, по его выраженію, «сила всегда давить справедливость». Его полутораговое пребываніе въ Италіи принесло ему пользу въ томъ отношеніи, что онъ докончилъ свое музыкальное образованіе и сдѣлался страстнымъ поклонникомъ итальянской музыки. Но изъ Венеціи онъ вывезъ неприятное воспоминаніе о неудачномъ ухаживаніи за двумя тамошними куртизанками, изъ которыхъ одна, красавица Джульетта, сказала ему съ холоднымъ презрѣніемъ послѣ того, какъ она убѣдилась, что природа «не создала его для удовольствій»: *«Zanetto lascia le donne e studia la matematica»*. (Занетто, брось женщинъ и учиись математикѣ).

Вернувшись въ Парижъ безъ гроша денегъ, Руссо сталъ переписывать ноты, а потомъ досталъ работу для сцены. Герцогъ Ришелье поручилъ ему измѣнить слова и музыку въ «Наварской Принцессѣ» Вольтера и она въ его передѣлкѣ появилась въ Версали, подъ названіемъ «Рамирскіе праздники». Его комедія «Нарцисъ» была принята итальянскимъ театромъ, а опера «Нѣжныя музы» Большой Оперой, но ни та, ни другая не были представлены, хотя послѣдняя была дана съ успѣхомъ на частномъ театрѣ г-жи де-Ла-Поплиньеръ. Наконецъ, Руссо поступилъ секретаремъ къ богатой, знатной г-жѣ Дюпенъ и къ ея пасынку Франкейлю, одному изъ могущественныхъ въ то время откупщиковъ, съ жалованьемъ въ 900 франковъ. Первая изъ нихъ очень гордо обращалась съ Руссо и даже не приглашала его на свои званые обѣды, считая его застѣнчивымъ, неуклюжимъ провинціаломъ; но Франкейль сдѣлался его искреннимъ другомъ и ввелъ его въ общество свѣтскихъ дамъ: г-жи Шенансо, г-жи Эттъ и г-жи д'Эпинэ, въ салонахъ которыхъ собирались всѣ передовые писатели того времени—Вольтеръ, Дидро, Гриммъ, Дюкло и др. Вотъ какъ описывала въ своихъ мемуарахъ первое свиданіе съ Руссо г-жа д'Эпинэ, впоследствии игравшая большую роль въ его жизни:

«Онъ производитъ впечатлѣніе челоѣка, не знающаго свѣтскихъ приличій, и хотя говорить комплименты, нельзя назвать его свѣтски ловкимъ, полированнымъ челоѣкомъ. Однако, сразу видно, что онъ очень, очень уменъ: онъ все понимаетъ и во все можетъ вникнуть. Онъ смуглый, а глаза, полные огня, оживляютъ все его лицо. Посмотрите на него, какъ только онъ перестанетъ говорить, и онъ покажется вамъ красавцемъ, но при воспоминаніи о немъ онъ кажется дуренъ собою. Говорятъ, что онъ плохого здоровья и у него какія-то страданія, которыя онъ скрываетъ изъ-за страннаго самолюбія. Эти страданія, вѣроятно, причина тому, что онъ по временамъ имѣетъ дикій видъ».

Вскорѣ не только дамы, но и модные писатели поняли, что въ застѣнчивомъ и неуклюжемъ провинціалѣ, говорившемъ неловко, сдержанно, отрывисто, были пламенное сердце и глубокій, энергичный умъ, которые по временамъ выражались въ краснорѣчивой, горячей, полной чувстварѣчи. Не только г-жа д'Эпинэ, находившаяся въ близкихъ отношеніяхъ съ Франкейлемъ, а потомъ съ Гриммомъ, начала ухаживать за нимъ и

часто приглашала его въ Шевретъ, близъ Сень-Дени, гдѣ она жила лѣтомъ, но Дидро и Гриммъ сдѣлались его друзьями и ввели его въ общество энциклопедистовъ. По приглашенію ихъ онъ сдѣлался сотрудникомъ «Энциклопедіи» и написалъ для нея статью о музыкѣ. Дюкло, также одинъ изъ энциклопедистовъ, говорилъ тогда о немъ съ удивительнымъ предвидѣньемъ: «Онъ по характеру настоящій бульдогъ, но дайте ему время и онъ надѣлаетъ чертовскій шумъ въ свѣтѣ».

Однако, принимаемый радушно въ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ, Руссо вынесъ убѣжденіе изъ первыхъ же столкновеній съ парижскимъ обществомъ, что онъ не найдетъ въ немъ блестящей культуры, основательнаго знанія и широкой образованности. Прислушиваясь къ литературнымъ и научнымъ бесѣдамъ, онъ не могъ не найти въ нихъ отсутствія того, что въ его глазахъ было всего дороже—искренности, простоты и серьезности въ сужденіяхъ. Онъ искалъ глубокаго знанія и добросовѣстнаго обсужденія важныхъ нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, а слышалъ вокругъ себя только пустую, легковѣсную болтовню, хотя часто остроумную. Особенно его выводило изъ себя, что одинаково легкомысленнымъ тономъ люди ученые, культурные говорили о новыхъ пьесахъ, о свѣтскихъ сплетняхъ, о добродѣтели, о Богѣ и безсмертіи души. Однажды, когда на обѣдѣ у модной актрисы Кино Дюкло и Ламберъ начали громко выражать свои атеистическіе взгляды, Руссо, не вступая съ ними въ пренія, сказалъ: «Я не допущу, чтобы въ моемъ присутствіи поносили Бога, въ Котораго я вѣрую всей душой». Когда же они продолжали свою легкомысленную болтовню, то онъ вскочилъ и сказалъ: «Господа, я уйду, если вы скажете хоть еще одно слово». Послѣ обѣда Руссо объяснилъ свое поведеніе г-жѣ д'Эпинэ: «Я не выношу, когда все разрушаютъ, ничего не создавая. Сознаюсь откровенно, я не люблю этихъ публичныхъ преній. Настоящій обѣдъ вызвалъ у меня смертельное отвращеніе. Изъ всѣхъ тѣхъ, кто болталъ, одинъ только Ламберъ вѣритъ въ то, что говоритъ, а въ поведеніи остальныхъ больше фатовства, чѣмъ убѣжденія».

Все рѣже и рѣже сталъ посѣщать свѣтское общество его будущій энергичный обличитель и старался наединѣ видѣть тѣхъ изъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, которые были ему болѣе симпатичны. На вопросъ г-жи д'Эпинэ, зачѣмъ онъ такъ поступаетъ, Руссо отвѣчалъ: «Что я сталъ бы дѣлать въ вашемъ обществѣ? Я изображалъ бы очень незавидную фигуру среди этихъ франтовъ, разгуливающихъ на цыпочкахъ своихъ разряженныхъ ножекъ. Чтобы не идти далеко, ваша невѣстка съ ея томнымъ взглядомъ и чувственной презрительной улыбкой, насмѣшникъ Морнэръ, г-жа де-Версель, дѣлающая реверансы на подобіе монахинь, чтобы выставить свою красивую шею, злой, грубый, деспотичный Дюкло, слащавый, важный Жильотъ,—все они на видъ очень честные, но въ сущности безнравственные люди. Гдѣ бы я ни былъ и что бы ни слышалъ, все оскорбляетъ меня. Одни такъ очевидно злы и такъ ловки въ своихъ несправедливостяхъ, другіе такъ дряблы и плоски въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, что я готовъ видѣть въ Парижѣ притонъ мошенниковъ, жертвою которыхъ дѣлается поочередно каждый путешественникъ. То, что въ особенности поддѣрживаетъ во мнѣ дурное мнѣніе объ обществѣ, это желаніе каждаго оправдать себя, ссылаясь на другихъ». Подобныя рѣзкія, откровенныя мнѣнія Жанъ-Жакъ высказывалъ при каждомъ удобномъ случаѣ; но по временамъ онъ увлекался возвышенными вопросами и поражалъ своихъ слушателей вдохновенной рѣчью. Такъ, г-жа д'Эпинэ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ: «Мы совершили сегодня съ Руссо прелестную прогулку, и моя

душа до сей минуты растрогана той простотой и оригинальностью, съ которыми онъ высказывалъ свои мысли. Разговоръ зашелъ объ атеистическихъ убѣжденіяхъ Ламбера, и Руссо воскликнулъ: «Иногда, въ тишинѣ моего кабинета, закрывъ глаза руками, или въ ночной темнотѣ, я подчасъ раздѣляю сомнѣнія Ламбера. Но посмотрите на это, — продолжалъ онъ, простирая руку къ небу, — солнце восходитъ, разсѣивая туманъ, застилавшій землю, и раскрываетъ передо мною блестящее, удивительное зрѣлище природы, разгоняя вмѣстѣ съ тѣмъ и туманъ, омрачавшій мой умъ. Я вновь обрѣтаю мои убѣжденія, моего Бога, мою вѣру въ Него. Я восторгаюсь Имъ, я обожаю Его, я падаю ницъ предъ Его всеприсутствіемъ».

Но была еще причина, которая заставляла Руссо чуждаться свѣтскаго общества, — это была связь съ Терезой ле-Вассеръ, которая, по словамъ Жюль Левадуа, дѣйствовала на Руссо самымъ роковымъ образомъ, превращая его постепенно изъ меланхолика въ мизантропа, изъ мизантропа въ сумасшедшаго. Онъ впервые познакомился съ нею по возвращеніи изъ Венеціи въ томъ маленькомъ отелѣ улицы Кордье, гдѣ онъ жилъ. Эта молодая дѣвушка, дочь мелкаго отставнаго чиновника монетнаго двора, была швейей въ отелѣ и чинила бѣлье всѣмъ жившимъ въ немъ. Она обѣдала вмѣстѣ съ жильцами и служила предметомъ постоянныхъ ихъ шутокъ. За бѣдную робкую, застѣнчивую Терезу сталъ заступаться Руссо, и между ними мало-по-малу возникла связь, продолжавшаяся до самой его смерти. Конечно, грубая, необразованная, полуграмотная, не умѣвшая считать и смотрѣть на часы, почти доходившая до идиотства своей тупостью, Тереза не могла быть достойной подругой жизни такого человѣка, какъ Жанъ-Жакъ Руссо, но онъ цѣнилъ ея безхитростную простоту, вѣрилъ въ ея любовь, хотя она постоянно ему измѣняла, находилъ удовольствіе въ ея простой, веселой болтовнѣ и всячески поэтизировалъ ее въ своей «Исповѣди», увѣряя, что «онъ нашелъ въ Терезѣ то дополненіе, въ которомъ нуждался, и, благодаря ей, былъ счастливъ». Въ сущности же онъ никогда ея не любилъ и не могъ находить счастье въ такой неравной дружбѣ; однако, онъ продолжалъ жить съ нею и не только терпѣть ея капризы и грубыя выходки, но даже поддавался эксплуатаціи ея родственниковъ, въ особенности алчной и жадной ея старухи-матери. Въ послѣдніе годы его печальной жизни она открыто жила съ ирландскимъ конюхомъ Джонсономъ, но Руссо все терпѣлъ, все выносилъ, исполняя давнее ей обѣщаніе при началѣ ихъ связи, что онъ никогда ея не броситъ, хотя никогда не женится на ней.

Сдержалъ ли онъ послѣднее обѣщаніе, является спорнымъ вопросомъ, и хотя всѣ его біографы, въ томъ числѣ Герье, утверждаютъ, что спустя двадцать лѣтъ совместной жизни Руссо женился на Терезѣ, но этотъ фактъ официально ничѣмъ не подтвержденъ. Онъ самъ увѣряетъ въ «Исповѣди», что спустя двадцать пять лѣтъ послѣ ихъ перваго знакомства женился на ней, но совершенный имъ обрядъ, конечно, никѣмъ, кромѣ него, не можетъ быть сочтенъ за брачный. Повидимому этотъ обрядъ заключался въ томъ, что онъ, сидя за столомъ съ Терезой и двумя гостями, изъ которыхъ одинъ былъ городской голова, торжественно объявилъ, что Тереза его жена. Это происходило въ 1768 году, и Руссо писалъ своему пріятелю Далайю: «Этотъ честный священный союзъ былъ заключенъ со всею естественной простотой и искренностью, въ присутствіи двухъ достойныхъ и честныхъ людей; во время непродолжительнаго и несложнаго совершенія акта я видѣлъ, какъ эти честные люди плакали». Въ то время изъ какой-то странной причуды Руссо взялъ себѣ фамилію Рену и писалъ другому пріятелю, Дю-Пейру, что женился подъ этимъ именемъ. «Не имена всту-